

Александр Сергеевич Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
//Художественная литература, Москва, 1959
FB2: Vitmaier, 2007-02-12, version 1.0
UUID: 1B108B80-8186-471B-BF6E-691F20960010
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

Монах
(Поэмы)

Содержание

Песнь первая Святой монах, грехопадение, юбка	0004
Песнь вторая Горькие размышления, сон, спасительная мысль	0015
Песнь третья Пойманный бес	0023
Примечания	0031

**Александр Сергеевич
Пушкин
МОНАХ**

Песнь первая Святой монах, грехопадение, юбка

*Хочу воспеть, как дух нечистый
ада
Оседлан был брадатым стари-
ком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул Монаха грешных
в стадо.*

*Певец любви, фернейский стари-
чок,
К тебе, Вольтер, я ныне обраща-
юсь.
Куда, скажи, девался твой смы-
чок,
Которым я в Жан д'Арке восхища-
юсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели
век
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского
Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,*

Но дай лишь мне твою златую
лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты поэт, проклятый Аполло-
ном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Ви-
льоном,
Не можешь ли ты мне помочь,
Барков?
С усмешкою даешь ты мне скры-
пицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему».
Нет, нет, Барков! скрипицы не
возьму,
Я стану петь, что в голову при-
дется,
Пусть как-нибудь стих за стихом
польется.

Невдалеке от тех прекрасных
мест,
Где дерзостный восстал Иван-ве-
ликой,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрач-

ной, дикой,
Был монастырь; в глухих его сте-
нах
Под старость лет один седой Мо-
нах
Святым житьем, молитвами
спасался
И дней к концу спокойно прибли-
жался.
Наш труженник не слишком был
богат,
За пышность он не мог попасться
в ад.
Имел кота, имел псалтирь и чет-
ки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой
водки.
Взошедши в дом, где мирно жил
Монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ва-
ши взоры,
Там не висел Рафаель на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-арши-
на,
На коей спал и завтракал Монах.
Там пуховик над лавкой не взду-

вался.

Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких
тюфяках.

Весь круглый год святой отец по-
стился,

Весь божий день он в келье про-
вождал,

«Помилуй мя» в полголоса читал,
Ел плотно, спал и всякий час мо-
лился.

А ты, Монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты крас-
неть умеешь,

Коль совести хоть капельку име-
ешь;

Красней и ты, богатый Карме-
лит,

И ты стыдись, Печерской Лавры
житель,

Сердец и душ смиренный повели-
тель...

Но, лира! стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенья;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уеди-

ненье,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный
край

Защитить нас от дьявола не мо-
жет.

И в тех местах, где черный сата-
на

Под стражею от злости когти
гложет,

Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.

И вдруг толпой все черти подня-
лись,

По воздуху на крыльях понеслись

—

Иной в Париж к плешивым карте-
зианцам.

С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым ита-
льянцам

Бургонского и макарони нес;

Тот девкою с прелатом повалил-
ся,

Тот молодцом к монашенкам пу-
стился.

И слышал я, что будто старый
поп,

Одной ногой уже вступивший в
гроб,
Двух молодых венчал перед нало-
ем.
Черт прибежал амуров с целым
роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхра-
пел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса восходи-
ла,
Уж в городах утих вседневный
шум,
Луна в окно Монаха осветила.
В молитвенник весь устремив-
ший ум,
Панкратий наш Николы пред ико-
ной
Со вздохами земные клал покло-
ны.
Пришел Молок (так дьявола зо-
вут),
Панкратия под черной ряской
скрылся.

Святой Монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут
как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый
всё сидит.
«Уж будешь мой», — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес Монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал чинить.
Монах скучал, Монах тому дивился.
Век не зевал, как богу он молился.
Но — нет уж сил; кресты, псалтирь, слова, —
Всё позабыл; седая голова,

Как яблоко, по груди покати́лась,
Со лбу рука в колени опу́стилась,
Молитвенник упал из рук под
стол,
Святой вздремал, всхрапел, как
старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий
вдруг проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянул-
ся,
Перекрестясь с постели он вста-
ет,
Глядит вокруг — светильня наго-
рела;
Чуть слабый свет вокруг себя ли-
ет;
Что-то в углу как будто забеле-
ло.
Монах идет — что ж? юбку ви-
дит он.

«Что вижу я!.. иль это только
сон? —
Вскричал Монах, остолбенеv,
бледнея. —
Как! это что?..» — и, продолжать
не смея,

Как вкопанный, пред белой юбкой
стал,
Молчал, краснел, смущался, тре-
петал.

Огню любви единственна прегра-
да,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный по-
кров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий
стан.
Что может быть тогда тебя
милее?
И ты, вясь вокруг прекрасных
ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный
бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно всё, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится,
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный ослабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш Монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастьем нимало не обижен).

Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и дога-
дался,
Что в когти он нечистого попал-
ся.

Песнь вторая

Горькие размышления, сон, спасительная мысль

*Покаместь ночь еще не удали-
лась,
Покаместь свет лила еще луна,
То юбка всё еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею освети-
лась,
От взоров вдруг сокрылася она.*

*А наш Монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он ко-
та,
Не помнит он церковного наоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как, — мыслит он, — когда и со-
бачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юб-
чонки,
Кто мог ее принести ко мне же в
дом?
Уж мнится мне... прости, влады-
ко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь ска-*

зять... девчонки».

Монах краснел и, делать что, не знал.

Во всех углах, под лавками искал.

Всё тщетно, нет, ни с чем старик остался,

Зато весь день, как бледна тень, таскался,

Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер, наступая,
Зажег везде лампы и свечи.

Уже Монах, с главы клобук снимая,

Ложился спать. Но только что лучи

Луна с небес в окно его пустила

И юбку вдруг на лавке осветила,

Зажмурился встревоженный Монах

И, чтоб не впасть кой-как во искусство,

Хотел уже навек лишиться зренья,

Лишь только бы на юбку не смотреть.

Старик, кряхтя, на бок перевернулся

*И в простыню тепленько завер-
нулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал хра-
петь.*

*Тот час Молок вдруг в муху пре-
вратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кру-
жился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять
пустился.
Монах храпит и чудный видит
сон.*

*Казалось ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под мир-
том он,
Вокруг него сатиров, фавнов
сонм.
Иной, смеясь, льет в кубок пенны
вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград, на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий,
—
Всё говорит, что вечно юный*

Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью сви-
рель,
Поет любовь, и сердца повели-
тель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хорово-
дом
Толпы детей, и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сво-
дом,
В густой тени развесистых деревьев,
На ложе роз, любовью распален-
ны,
Чуть-чуть дыша, весельем исто-
щенны,
Средь радостей и сладостных про-
хлад,
Обнявшись любовники лежат.

Монах на всё взирал смятенным
оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздо-
хом,
Плешивый лоб с досадою чесал —
Стоя, как пень, и рот в сажень ра-

зинув.

И вдруг, в душе почувствовав ку-
раж

И набекрень, взъярясь, клобук на-
двинув,

В зеленый лес, как белоусый паж,
Как легкий конь, за девкою по-
гнался.

Быстрее орла, быстрее звука лир

Прелестница летела, как зефир.

Но наш Монах Эол пред ней казал-
ся,

Без отдыха за новой Дафной гнал-
ся.

«Не дам, — ворчал, — я промаха в
кольцо».

Но леший вдруг, мелькнув из-за
кусточка,

Панкратья хватъ юбчонкою в ли-
цо.

И вдруг исчез приятный вид лесоч-
ка.

Ручья, холмов и нимф не видит
он;

Уж фавнов нет, вспорхнул и Купи-
дон,

И нет следа красоточки прелест-

ной.

Монах один в степи глухой, без-
вестной,

Нахмуря взор; темнеет небо-
склон,

Вдруг грянул гром, Монаха пора-
жает —

Панкратий: «Ах!..», — и вдруг
проснулся он.

Смущенный взор он всюду обраща-
ет:

На небесах, как яхонты горя,
Уже восток румянила заря.

И юбки нет. Панкратий встал,
умылся

И, помолясь, он плакать сильно
стал,

Сел под окно и горько горевал.

«Ах! — думал он, — почто ты
прогневился?»

Чем виноват, владыко, пред то-
бой?

Как грешником, вертит нечи-
стый мной.

Хочу не спать, хочу тебе молить-
ся,

Возьму псалтирь, а тут и юбка

вдруг.

Хочу вздремать и ночью сном забыть,
Что ж снится мне? смущается

мой дух.

Услышь мое усердное моление,
Не дай мне впасть, господь, во искушение!»

Услышал бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.

Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны превратился.

Обдумывал, смотрел, сличал,
смекнул

И в радости свой опрокинул стул.

И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,

По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался

И громко всем кричал: «Нашел!
нашел!»

«Ну! — думал он, — от бесов и юбочки

Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.

Я заживу опять монах-монахом,
Я стану ждать последний час со

страхом
И с верою, и всё пойдет на лад». —
Так мыслил он — и очень ошибал-
ся.
Могущий рок, вселенной господин,
Панкратием, как куклой, забав-
лялся.

Монах водой наполнил свой кув-
шин,
Забормотал над ним слова мо-
литвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же сто-
роны
Нечистый дух весь день был на ра-
боте
И весь в жару, в грязи, в пыли и по-
те
Предупредить спешил восход лу-
ны.

Песнь третья Пойманный бес

*Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского наро-
да
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пядьцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной ру-
кою,
И, выпив вмиг шампанского ста-
кан,
Трудиться б стал я с жаркой го-
ловойю,
Как Цициан иль пламенный Ал-
бан.
Представил бы все прелести На-
тальи,
На полну грудь спустил бы прядь
волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой
Тальи,*

Стан обхватил Киприды б пояс
злат.
И кистью б был счастливей я
стократ!

Иль краски б взял Вернета иль
Пуссина;
Волной реки струилась бы хол-
стина;
На небосклон палящих, южных
стран
Возведши ночь с задумчивой лу-
ною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит вете-
рок,
На серебре, вкруг скал блестящей
пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь.
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плесть пу-
стился.
Мартынов пусть пленяет ки-

стью нас,
А я — я вновь взмогнулся на Пар-
нас.
Исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бума-
гой
И стану вновь я песни продол-
жать.

Что делает теперь седой Панкра-
тий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налета-
ют;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блиста-
ют...
Уж и луна мелькнула сквозь ле-
сов...
Ни жив, ни мертв сидит под обра-
зами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг, бела, как вновь напавший
снег
Москвы-реки на каменистый берег,
Как легка тень, в глазах явилась

юбка...

Монах встает, как пламень по-
краснев,
Как модинки прелестной ала губ-
ка,
Схватил кувшин, весь гневом воз-
горев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчеза-
ет —

И вот пред ним с рогами и с хво-
стом,
Как серый волк, щетиной весь по-
крытый,
Как добрый конь с подкованным
копытом,
Предстал Молок, дрожащий под
столом,
С главы до ног облитый весь во-
дою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура! — вскричал монах с усмеш-
кой злою, —
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, зло-
дей.
Все шалости заплатишь головою.

Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодезь брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо
мною».

— «Ты победил, почтенный стари-
чок, —

Так отвечал смирнехонько Мо-
лок. —

Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.

Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью
спи,

Уж соблазнять тебя никак не
стану».

«Всё так, всё так, да полезай в бу-
тыль,

Уж от тебя, мой друг, я не от-
стану,

Ведь плутни все твои я не забыл».

— «Прости меня, доволен будешь
мною,

Богатства все польют к тебе ре-
кою,

Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе каре-
ты,

Придут к тебе в переднюю поэты;

Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу.
Всё променяв на длинный фрак с
штанами,
Поскачешь ты гордиться жереб-
цами,
Народ, смеясь, колесами давить
И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловско-
го,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправлять
жилет.
Потом всю знать (с министрами,
с князьями
Ведь будешь жить, как с кровны-
ми друзьями)
Ты позовешь на пышный свой
обед».
— «Не соблазнишь! тебя я не
оставлю,
Без дальних слов сейчас в бутыль
иди».
— «Постой, постой, голубчик, по-
годи!
Я жен тебе и красных дев достав-
лю».
— «Проклятый бес! как? и в моих

руках
Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! но нет, работник
ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За всё, про всё готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса
злой!»
— «Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим».
При сих словах Монах себя не вспомнил.
«В Иерусалим!» — дивясь он бесу молвил.
«В Иерусалим! — да, да, свезу тебя».
— Ну, если так, тебя избавлю я.

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с

бока,
Не связывай ты тесной дружбы с
ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой, бодрится черт
проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Моло-
ка,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град во-
стока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой
дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка.

Примечания

Самое раннее и слабое из дошедших до нас произведений Пушкина. Оно случайно сохранилось в архиве его лицейского товарища князя А. М. Горчакова. В этой поэме четырнадцатилетний Пушкин переосмысливал христианскую легенду о святом Иоанне Новгородском, который победил соблазнявшего его черта и съездил на нем в Иерусалим на поклонение гробу господню. Поэма показывает атеистические настроения Пушкина еще в раннем возрасте.